

Интеллигенция и мир. 2023. № 2. С. 161—184.
Intelligentsia and the World. 2023. No. 2. P. 161—184.

Рецензия

УДК 111(091)(47)

DOI: 10.46725/IW.2023.2.9

ДРАМА ИНТЕЛЛИГЕНТА

**Рец. на кн.: Океанский В. П., Океанская Ж. Л.
Прохождение вод: неоправославная метафизика
отца Сергея Булгакова: монография.
СПб.: РХГА, 2022. 388 с.**

**Василий Львович Черноперов¹,
Сергей Михайлович Усманов²**

^{1,2} Ивановский государственный университет, Иваново, Россия

¹ vlchernoperov@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5887-7807>

² orvozi@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8140-5680>

Аннотация. Рецензируется монография В. П. Океанского и Ж. Л. Океанской «Прохождение вод», посвященная изучению жизненного пути, творчеству и наследию одного из наиболее известных представителей Русского Зарубежья протоиерея Сергея Булгакова. Рецензенты отмечают жанровое своеобразие монографии В. П. Океанского и Ж. Л. Океанской, подчеркивают ее насыщенность содержательным материалом о личности отца Сергея и о многообразии его творческих исканий. Признавая оригинальность авторской концепции исследователей и яркий выразительный язык В. П. Океанского и Ж. Л. Океанской, рецензенты в то же время высказывают ряд критических замечаний в адрес исследователей. Особое внимание рецензенты уделяют интеллигенции Русского Зарубежья и месту в ней протоиерея Сергея Булгакова.

Ключевые слова: протоиерей Сергей Булгаков, интеллигенция Русского Зарубежья, православное богословие, неоправославная метафизика, В. П. Океанский, Ж. Л. Океанская

Для цитирования: Черноперов В. Л., Усманов С. М. Драма интеллигента. Рец. на кн.: Океанский В. П., Океанская Ж. Л. Прохождение вод: неоправославная метафизика отца Сергия Булгакова: монография. СПб.: РХГА, 2022. 388 с. // Интеллигенция и мир. 2023. № 2. С. 161—184.

Review

DRAMA OF THE INTELLECTUAL
Review on the book: Okeansky V. P.,
Okeanskaya Zh. L. Passage of waters: Neo-Orthodox
metaphysics of Father Sergius Bulgakov:
monograph. St. Petersburg: Russian Christian
Humanitarian Academy, 2022. 388 p.

Vasily L. Chernoperov¹, Sergey M. Usmanov²

^{1,2} Ivanovo State University, Ivanovo, Russia

¹vlchernoperov@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5887-7807>

²orvozi@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8140-5680>

Annotation. The author reviews the monograph “The Passage of Waters” written by V. P. Okeansky and Zh. L. Okeanskaya and dedicated to the study of life, work and heritage of one of the most famous representatives of the Russian Diaspora, Archpriest Sergius Bulgakov. The reviewers note the genre uniqueness of the monograph by V. P. Okeansky and Zh. L. Okeanskaya, emphasize its saturation with informative material about the personality of Father Sergius and the diversity of his creative quests. While recognizing the originality of the author’s concept of the researchers and vivid expressive language of V. P. Okeansky and Zh. L. Okeanskaya, reviewers make a number of critical remarks about the researchers. The reviewers pay special attention to the intelligentsia of the Russian Diaspora and the place of Archpriest Sergius Bulgakov in it.

Keywords: Archpriest Sergius Bulgakov, intelligentsia of the Russian Diaspora, Orthodox theology, neo-Orthodox metaphysics, V. P. Okeansky, Zh. L. Okeanskaya

For citation: Chernoperov, V. L. and Usmanov, S. M. (2023), ‘Drama of the intellectual. Review on the book: Okeansky, V. P. and

Okeanskaya, Zh. L. (2022), *Prokhozhenie vod: neopravoslavnaia metafizika ottsa Sergiia Bulgakova* [Passage of waters: Neo-Orthodox metaphysics of Father Sergius Bulgakov]: monograph, Russian Christian Humanitarian Academy, St. Petersburg, 388 p.' *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 2: 161—184 (in Russ.)

Имена шуйско-ивановских исследователей-супругов докторов наук Вячеслава Петровича и Жанны Леонидовны Океанских хорошо известны профессиональному сообществу гуманитариев [см., напр.: Океанская, 2009; Океанский, 2008; Океанский, Океанская, 2007; Их же, 2010]. Прежде всего, герменевтикой словесности и культуры в контексте глобального кризиса. В 2022 г. при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в издательстве Русской христианской гуманитарной академии вышла их очередная монография «Прохождение вод: неоправославная метафизика отца Сергия Булгакова», которая и выступает объектом настоящей рецензии.

Рассматриваемая книга, по признанию самих авторов, — результат их тридцатилетних научных изысканий (с. 265)¹. Это декларируемое обобщение результатов (или подведение итогов) существенно повлияло на архитектуру монографии и ее содержание. Работа состоит из введения, 12 глав, заключения, трех приложений, указателя имен и иллюстраций. Каждая из глав — скорее законченное эссе об одной из наиболее важных, по мнению В. и Ж. Океанских, сфер в наследии Сергея Николаевича Булгакова (отца Сергия), чем строго научный, «сухой» и маловыразительный текст. Во всех частях работы Океанские используют следующую методику: заявляют некий тезис, который затем доказывают обширными цитатами из трудов отца Сергия и/или многочисленных представителей интеллектуальной мысли разных эпох и стран (преимущественно XIX — XX вв.). Цементирующим составом суждений Булгакова с наработками других авторов выступают комментарии или утверждения В. и Ж. Океанских.

¹ Здесь и далее страницы указаны по книге: Океанский В. П., Океанская Ж. Л. Прохождение вод: неоправославная метафизика отца Сергия Булгакова: монография. СПб.: РХГА, 2022. 388 с. В цитатах орфография и пунктуация приведены к современным нормам.

Рецензируемая книга не проста для прочтения. Она многопланова. Чувствуется, что главы написаны в разное время и затем объединены, что априори ведет к повторам положений, рассуждений и выводов. Однако при всем том в ней имеется несколько стержневых линий, которые пронизывают всю книгу и связывают ее в единый текст. Первая линия увязывает содержание и название, в котором отчетливо просматривается символика булгаковского мировидения. «Прохождение вод» — это жизненный и творческий путь самого отца Сергия от крещальной купели через реки жизни. Это «символика *переправы*, связанная с пожизненно осуществляемой необходимостью трудного перехода с одного берега на другой...» (с. 24). Следующая линия, проходящая через все повествование, — скепсис в отношении бесконечного прогресса человечества, рассмотрение планетарной материально-ориентированной цивилизации как наследницы и продукта «глобального культурного кризиса», приведшего к тому, что большинству современных людей, все более зарывающихся «в нижнюю бездну», становятся недоступны высоты метафизики (с. 57, 88, 180). Тем более метафизики отца Сергия, которая, по словам Океанских, есть «Джомолунгма отечественной интеллектуальной культуры XX века, выше которой вообще не поднималась религиозная философия в новые и новейшие времена» (с. 265). В изучении теологических, философских, герменевтических и иных научных воззрений отца Сергия Океанские опираются еще на одно положение, объединяющее все части монографии — на слова Булгакова о самом себе и своем месте в истории культуры и Русской Православной Церкви: «...я ...чувствую себя ...как *священника-интеллекта*, особую религиозно-культурную разновидность, особую породу людей в священстве, несущих в себе глубинный пласт европейской культуры и русской образованности, новой, Петровской, России» (с. 6).

Не секрет, что творчество отца Сергия Булгакова является весьма сложным объектом для изучения, поскольку его жизненный путь был долгим, трудным и неоднозначным. Многие стороны научных исканий профессора С. Н. Булгакова и его политической деятельности вызывали разнообразные отклики, в том числе и критику с разных сторон. Еще больше возражений и недоумений вызывала деятельность Булгакова в эмиграции после принятия

им священного сана. Надо отметить, что В. П. и Ж. Л. Океанских ничуть не пугают эти трудности. Они смело берутся за исследование практически всех основных аспектов творческого наследия отца Сергея Булгакова. Причем, цитируют и анализируют не только благоприятные отклики на деятельность Булгакова, но и критические замечания.

Поэтому можно вполне уверенно утверждать, что рецензируемая нами монография дает весьма цельное представление о творческом пути и наследии протоиерея Сергея Булгакова. Разве что только самый первый этап его жизни и деятельности отражен соавторами в небольшой степени. Но это и понятно, так как увлечение марксизмом в молодости было для Сергея Николаевича чем-то довольно кратковременным и преходящим, а вместе с тем до конца жизни дало ему своеобразную прививку от поисков упрощенных социальных рецептов, чем — увы — до сих пор болеет столь много наших соотечественников.

Открывает монографию В. и Ж. Океанских Введение, где дан обзор научной, научно-публицистической и полемично-публицистической литературы о творчестве отца Сергея от эпохи В. И. Ленина до наших дней. Авторы при этом не только скрупулезно анализируют рассматриваемые труды, но и делают интересные наблюдения. В частности, о приемах лидера большевиков в ведении полемики (с. 7—14). Во-первых, В. И. Ленин обычно рассматривал работы всех авторов в жесткой дихотомии «свой-чужой» / «кто не с нами, тот против нас» и беспощадно критиковал труды любого представителя «не своего лагеря». Во-вторых, В. Ленин при недостаточности или слабости аргументов либо оставлял тему в стороне, либо уходил от ее глубокого рассмотрения, «переходил на личность», наделяя противника эмоционально-окрашенными оценками. Подчас «на грани приличия». В этом отношении сложно не согласится с тонким афористично-саркастичным замечанием Океанских: «...если ...вспомнить ленинскую квалификацию Гегеля как “идеалистической сволочи” из “Философских тетрадей”, то мы должны признать, что православному соотечественнику Ленина [Булгакову. — *В. Ч., С. У.*], в общем-то, относительно повезло» (с. 10).

Первая глава рецензируемого труда посвящена проблеме метафизики родины в наследии Сергея Булгакова. Здесь

В. и Ж. Океанские точно подмечают, что для Булгакова место рождения — город Ливны Орловской губернии — это «...идеалистической топос, символическая энергетика которого всецело свидетельствовала именно об онтологической утрате рая, прежде всего через вошедшую в человеческую жизнь смерть, как и ее многоплановые образы и дуновения...» (с. 25). Акцентированное внимание к смерти важно для Океанских как доказательство, по меньшей мере, двух положений. Первое — обращено к известному тезису В. В. Розанова: «христианство есть культура похорон» (с. 29). Второе положение — доказательство формирования у отца Сергия Булгакова философского мироосмысления уже в юные годы. Не случайно авторы монографии из описания Булгаковым в посмертно изданных «Автобиографических заметках» ярких впечатлений детства (единения с природой; кладбищенской Сергиевской церкви, где служил его отец; неба с яркими звездами в Рождественскую или Крещенскую ночь; судьбы близких; смерти; похорон и т. д.) делают следующий вывод: «...заметим, что это был мир, исходно отмеченный подлинной (!) философией, а не головными побрякушками...» (с. 31).

Во второй главе рецензируемого труда авторы обращаются к метафизике народного хозяйства в наследии отца Сергия — теме, по которой Булгаковым были защищены магистерская и докторская диссертации. Здесь у Океанских в центре внимания булгаковское осмысления экономики как неотъемлемой части Божьего мира. Данное положение априори ставит сложный диалектический вопрос. С одной стороны, рассмотрение экономики как неотъемлемой части Божьего мира означает признание факта, что технический прогресс углубляет познание о нем, разрушает его аскетическое восприятие в материальном и духовном планах и в итоге ставит вопрос о религиозном мировоззрении. С другой стороны, рассматриваемое положение рассчитано на принятие следующей истины: человек, даже вооруженный последними достижениями науки и техники, в полной мере Божий мир познать не сможет никогда (во Вселенной «навсегда остаются места, куда мы никогда не придем» (с. 36)). В этой ситуации раздвоенности Булгаков, как отмечают Океанские, предлагает практический рецепт: опираясь на русскую культуру (с. 41), попытаться добиться слияния «двигателя бездушного с жизнью недвижимой» и, тем

самым, прорваться к принципиально «новой цивилизации» (с. 40), в которой «человеческий хозяйственный активизм осмысливается как работничество и творчество в мире как Божьем хозяйстве и художественном творении» (с. 43). Впрочем, сами шуйско-ивановские ученые далеки от преклонения перед этой булгаковской идеей: «...будет востребована она или останется реликтом истории мысли, покажет время» (с. 43). Для них в этой части книги важнее другое: рассмотрение реконструкции Булгаковым онтологического миро-языка, языка его символической метафизики и выявление «*пропасти*» между булгаковским мифопоэтическим сознанием, в котором основой мира выступает София или Логос, и материалистической логистикой, при которой, по радикальному выражению Ленина, «в мире ничего нет, кроме развивающейся и движущейся материи». В контексте этих рассуждений Океанские неоднократно отмечают, что многие идеи героя их книги созвучны рассуждениям крупнейших мыслителей XX в. и вполне могли бы помочь найти верный путь при методологических исканиях по выходу из кризисов, регулярно сотрясающих гуманитарные науки. И, добавим от себя, не только их.

В третьей главе рецензируемой книги Океанские обращаются к литературно-критическому наследию отца Сергея Булгакова, к его оценкам места и роли философии у русских писателей XIX—XX вв.: А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, Л. Н. Толстого, К. Н. Леонтьева и др. Фундаментом научных изысканий Океанских в этой части работы стало следующее положение: «Для отца Сергея Булгакова... философия и литература в отечественной культуре всегда были неразрывны, причем нигде так это не сказалось, как в исходной обращенности писателей к религиозной проблематике» (с. 56), что в итоге некоторым из них (прежде всего, поэтам) позволяло оказаться «по ту сторону добра и зла» (с. 85), стать истолкователями «священного языка» (с. 89), приблизиться к пророкам (с. 63) и предвозвестить ужасы грядущей российской катастрофы. В этой связи интересны страницы книги с размышлениями Булгакова и Океанских об Иуде, в котором большевики почти инстинктивно почувствовали «своего» и которому стали устанавливать памятники (с. 63—66). Иуде как воплощению каиновского горожанина «с “пролетарской” психологией», который «является чужаком среди простодушных людей

природы» и который выступает в качестве всеразрушающей антихристианской (по сути просоветской) силы, стремящейся к всемирному воцарению.

Четвертую главу рассматриваемого исследования Океанские посвятили имяславию и Бытию в творчестве отца Сергия Булгакова. Это, пожалуй, наиболее сложная для прочтения часть рассматриваемой книги. Как заявляют сами Океанские, изучая четверть века наследие Булгакова по вопросам Имени и Бытия, они «пришли к дальнейшему раскрытию намеченных у него идей, связанных с поворотом от языка — к космосу, от лингвистического восприятия слова — к онтологическому пониманию его природы», определив «эту область как метафизику частей речи» (с. 91). Шуйско-ивановские ученые в четвертой главе констатируют: наработки Булгакова по данной проблеме отличаются «в лучшую сторону» от трудов А. Ф. Лосева и отца Павла Флоренского (с. 72, 87, 92), и, вообще, наследие отца Сергия «наиболее продуманное в своей сущностной завершенности *метафизическое* дополнение к современным герменевтико-культурологическим, структуралистско-феноменологическим и всевозможным генетическим разработкам о языке, имеющим несомненную, но лишь *относительную* ценность, лишь оттеняющую космологическую неисчерпаемость самой языковой мифоосновы — того, что в традиционном символизме именуют ангелическим *языком птиц*» (с. 88).

Океанские в четвертой главе доказывают, что отец Сергей своими творениями «указывает на метафизическую — соборно-софийную — природу языка» (с. 74), на его космологическое вестничество (с. 75), на то, что «язык есть энергоинформационная и онтолого-символическая, проще говоря, *бытийная, а не знаковая система*» (с. 87), а «социум и его состояния выступают не как основания, но уже как продукты культуры» (с. 74). В подтверждение этих положений авторы рецензируемой книги приводят множество цитат из работ Сергия Булгакова. Наиболее важной является, пожалуй, следующая (из «Философии имени»): «...не мы говорим слова, но слова внутренне звуча в нас, сами себя говорят, и наш дух есть при этом арена самоидеации вселенной, ибо всё может быть выражено в слове, причем в это слово одинаково входит и творение мира и наша психика... Чрез то, что

вселенной, миру, присуща идеация, он есть и слово... В нас говорит мир, вся вселенная, а не мы, звучит ее голос» (с. 73). Приведенные слова не означают онтологического рабства человека. Наоборот, по словам Океанских, Булгаков, обратившись к проблеме «Слова суть символы смысла», акцентирует внимание на творческом призвании человека, который, являясь «единственным из всех известных нам живых тварей существом *космически одаренным*» (с. 76), венцом творения, получает от Бога в дар созданный Им мир, где сохраняется после рая богочеловеческое общение (с. 77) и где Бог открывается через человека, «свидетельствует о Себе в Его сознании, именует Себя, хотя и его устами» (с. 86).

В пятой главе «Критики эгологического разума: предтечи и спутники» в центре изысканий Океанских место отца Сергия Булгакова в истории укрепления в русской философии религиозной тематики. Причем в контексте осмысления «наших отношений (культурных и политических) с западным миром». Рассуждения В. и Ж. Океанские начинают с интеллектуального наследия А. С. Хомякова и В. С. Соловьева, вполне солидаризируясь с В. В. Розановым, который творчество этих мыслителей считал взаимосвязанным. Из текста создается впечатление, что внимательное прочтение трудов этих ученых с отсылками к изысканиям западных, преимущественно немецких философов XIX в. (И. Канта, И. Фихте, Гегеля, А. Шопенгауэра и др.) (с. 98—104) требуется авторам рецензируемой книги, прежде всего, для фиксации двух принципиальных моментов: 1) ни в прошлом, ни в настоящее время не удалось достичь синтеза философии и религии, что чревато всеобщей Катастрофой, 2) выходом из сложившегося положения могут стать наработки отца Сергия (с. 105), которые делают его не только «центральной фигурой православного возрождения начала XX века» (Н. А. Бердяев), но и «православным богословом третьего тысячелетия», поднявшимся до проблематики «вселенского метаправославия» (митрополит Иоанн Зизиулас) (с. 107). Речь идет, прежде всего, о булгаковской герменевтической проекции религиозно-философского синтеза на развитую эгологию, которая рассматривается в рецензируемой книге на контрасте с подходами Н. А. Бердяева (или в булгаковско-бердяевском диалоге). Из многочисленных интересных

суждений Океанских в пятой главе выделим два. Первое: «По Булгакову, “высшее предназначение философии — быть богословием... стать откровенным и сознательным (в этом смысле критическим) религиозным эмпиризмом”... опознающим целокупность мироздания и человеческой судьбы в Боге» (с. 110). Второе, выделяемое у Океанских суждение: «При всей потрясающей широте мыслительного диапазона, есть какая-то странная метафизическая нетерпимость Бердяева по отношению ко всякому *инакомыслию*, причем она, как правило, весьма трогательна, ибо беспомощна и запутана в очевидных противоречиях» (с. 115).

В шестой главе В. и Ж. Океанские попытались связать наследие византийской патристики в осмыслении проблемы Божьего замысла о мире с булгаковской софиологией, которая, по утверждению авторов рассматриваемой книги, «для отца Сергия... оказывается своего рода космологическим противоядием против крайностей апофатического нигилизма с исторически вытекающими из него агностицизмом и номинализмом, скептицизмом и сциентизмом» (с. 126). Параллельно авторы монографии в очередной раз стремятся, если не опровергнуть, то подвергнуть сомнению обоснованность критиков творчества Булгакова (прежде всего, в неопатристическом синтезе). Например, архиепископа Серафима (Соболева).

Океанские, изучая истоки софиологических размышлений отца Сергия в рамках средиземноморской интеллектуальной традиции и европейской религиозной философии от Платона, Аристотеля, Плотина, Филона Александрийского через Оригена, святых Афанасия Великого, Климента и Григория Паламы к мыслителям, фиксировавшим конец Нового времени: С. Л. Франку, М. Хайдеггеру и В. Франклу, приходят к следующему выводу: «Пристальное изучение Булгакова открывает, что Православие в истоках своих гораздо ближе к античности и даже арабизму, чем к новоевропейскому интеллектуальному германизму с его эгологией и неомарианским монизмом, куда пытались подвергать христианство на протестантских дрожжах поднявшиеся рационалистические умозрения» (с. 128).

Океанские в защиту софиологического наследия отца Сергия находят аргументы у многих авторитетных авторов — православных ученых (у профессора МДА, митрополита Вениамина

(Пушкаря), отца Георгия Флоровского и даже критика булгаковской софиологии В. Н. Лосского (с. 128, 131—132)), но в первую очередь у отцов Церкви Каппадокийской школы. В частности, у святого Василия Великого, учившего о мире как художественном произведении Бога (с. 125). Эта мысль святителя на страницах монографии Океанских ретранслируется неоднократно (см., напр.: с. 17, 181).

Содержание седьмой главы рецензируемой монографии отчетливо проецируется на ее название — «Агония православного царства: образ последнего русского царя в сознании отца Сергия Булгакова». В основание этой части книги положены автобиографические тексты С. Н. Булгакова: «Агония», «Мое безбожие» и «Пять лет (1917—1922)». В рассматриваемой главе сквозная сюжетная линия выдерживается Океанскими через обширные выдержки из трудов отца Сергия и сравнительно небольшие собственные комментарии. «Революцию, — цитируют авторы монографии слова Булгакова, — я пережил... как гибель любви. <...> Я любил Царя, хотел Россию только с Царем, и без Царя Россия была для меня и не Россия. <...> Зачем же нам Царьград, когда нет Царя. Ведь для Царя приличествовал Царьград, он был тот первосвященник, который мог войти в этот алтарь, он и только он один. <...> В сущности, агония царского самодержавия продолжалась всё царствование Николая II, которое всё было сплошным и непрерывным самоубийством самодержавия» (с. 137); «...к началу мировой войны я опять уже был готов славянофильствовать повсю... <...> ...Умолять царя быть царем... Только пусто было у царского трона... <...> ...К нему имели приближение и доступ только карьеристы, временщики и проходимцы» (с. 140); «...Теократия не удалась в русской истории и из нее уходит сама, обмирщившись, подменившись и оставляя свое место... интеллигентшине. <...> Это самоубийство было предопределено до его рождения и вступления на престол, — здесь античная трагедия без личной вины, но с трагической судьбой...» (с. 137). Этими и другими цитатами из трудов героя своей книги Океанские доказывают следующий тезис: для Булгакова, оттенявшего «“прирожденное безволие” российского царя», не это было главным, главным было другое — указание мыслителя «на особую печать высшего избранничества [царя Николая II. — В. Ч., С. У.]».

делающего излишними сами волевые качества» (с. 137). «Византийская “государственная вселенская идея”, — заключают В. и Ж. Океанские, — была пронизана у Булгакова “глубоким мистическим чувством”, а потому для него становилось очевидно, что “неудача самодержавия есть неудача России, и гибель царства есть гибель и России...”» (с. 138).

В восьмой главе книги Вячеслав и Жанна Океанские обращаются к одной из самых дискуссионных тем в наследии отца Сергия Булгакова: о влиянии Римского католицизма на его мировидение и поступки. Авторы, относя своего героя к радикальным антипапистам (с. 246), не могут обойти и проблему его филокатолицизма. Рассуждая о нем, Океанские, опираясь на автобиографические тексты отца Сергия (прежде всего, «На пиру богов» и «У стен Херсониса»), пришли к следующему выводу: «История булгаковского заражения филокатоличеством и его преодоления уходит корнями» в начало 1920-х гг., когда для Булгакова «зримое крушение церковности в Советской России стало... серьезным испытанием веры в благодатность самого православного пути» (с. 151), когда мыслитель, избрав роль и образ Беженца, мучительно искал новые жизненные ориентиры (с. 152).

При рассмотрении проблемы филокатолицизма для Океанских было важным подчеркнуть, что их герой — отец Сергий — в увлеченности латинством не был одинок в среде русских мыслителей. Из дореволюционных времен предтечами «прокатолического булгаковского настроя» выступали В. К. Тредьяковский, П. Я. Чаадаев, В. С. Печерин и В. С. Соловьев, из послереволюционного — отцы Павел Флоренский и Сергей Соловьев, Евг. Трубецкой, Вяч. Иванов, Н. О. Лосский, С. Л. Франк, Д. С. Мережковский (с. 155—156, 154). В этот же ряд цитатой из труда Булгакова «У стен Херсониса» включается и святой Димитрий Ростовский (с. 162). Таким образом, делают вывод Океанские, Булгаков-беженец лишь «продолжает и существенно усиливает тему истинности католицизма на фоне православного исторического провала» (с. 156), который произошел не одновременно, не в 1917 г. К нему, согласно Булгакову, привели обособленность страны, принятая вместе с Православием от Византии (с. 157), антикатолические увлечения русских литераторов и философов (особенно А. С. Хомякова, Ф. И. Тютчева

и Ф. М. Достоевского) (с. 158—159, 164), духовная деградация российского клерикализма, выразившаяся в «синодальном мракобесии» с его преследованием сторонников постановки новых богословских вопросов (например, Имени Божия или Софии) и даже распадом «православия как соборной традиции» (с. 159—161). Последняя мысль в несколько иных вариациях встречается и в других местах рассматриваемой книги (с. 193).

В девятой главе рецензируемой монографии «“Очи Небесной Царицы”: о Сикстинской Мадонне (между католической и православной мариологией)» Океанские сопоставляют восприятие одной из наиболее значимых картин итальянского мастера Рафаэля Санти православным священником Сергием Булгаковым и католиком Мартином Хайдеггером. Причем сквозь призму культурологической герменевтики «с присущей ей активизацией диалога культур» и «манифестацией встречи различий» (с. 168). Текстами для исследования выступили, прежде всего, очерк М. Хайдеггера «О “Сикстинской Мадонне”» и трактат Булгакова «Две встречи (1898—1924)». Проведенное сопоставление привело Океанских к следующим выводам. 1. Оба мыслителя при первой встрече с рафаэлевской Мадонной испытали схожие чувства на ипостасном и онтологическом уровне, «встречи, когда не мы смотрим на икону (чаще всего в молитвенном акте мы и вообще не смотрим, а склоняем очи и голову пред иконографическим образом!), а она смотрит на нас» (с. 172). 2. Близки Булгаков и Хайдеггер и в критическом отношении к ренессансному антропоцентризму. Прежде всего, к процессу секуляризации, охватившему искусство, особенно тесно связанное с религией. 3. Однако, как выяснили Океанские, немецкий и российский мыслители в своих размышлениях о секуляризации и религии в искусстве имели не только схожие мысли, но и существенно и принципиально расходились.

По Хайдеггеру, «секуляризация не только не затронула глубинно-корневых оснований традиционного религиозно-ориентированного искусства, но и не выветрила вполне способность восприятия его сакральной сущности: “...”Сикстинская Мадонна”... была, а это значит, и остается, хотя и в превращении, единственным в своем роде живописным образованием”» (с. 169); ее «неотъемлемыми атрибутами» оказываются «не только

онтологичность, ипостасность, но и евхаристичность, а также храмовость в специфически церковно-христианском смысле» (с. 170), когда нахождение ее в дрезденском музее профанирует ее восприятие. «“Сикстинская Мадонна”, — ставит Хайдеггер жирную точку, — неотделима от церкви в Пьяченце...» (с. 169).

Воззрения отца Сергия, как показывают Океанские, здесь принципиально иные: Ренессанс «создал искусство человеческой гениальности, но не религиозного вдохновения. Его красота не есть святость, но то двусмысленное, демоническое начало, которое прикрывает пустоту...» (с. 173—174). Красота Мадонны Рафаэля — «лишь дивная человеческая красота, с ее религиозной двусмысленностью, но... безблагодатность. Молиться перед этим изображением? — да это хула и невозможность! <...> ...это не есть образ Богоматери, Пречистой Приснодевы, не есть Ее икона. Это — картина, сверхчеловечески гениальная, однако совсем иного смысла и содержания, нежели икона» (с. 172—173). Основная причина такого взгляда отца Сергия, как подмечают Океанские, в том, что для Булгакова ослепительная «мудрость православной иконы» «обезвкусила» «“Рафаэля вместе со всей натуралистической иконографией”, где явственно “вопиющее несоответствие средств и заданий”, поскольку “видение сверхприродного, благодатного состояния мира” не редуцируемо к “религиозной живописи”, ибо последняя “никогда не достигает цели, если видит свое достижение в религиозном, а не в живописном эффекте”» (с. 173).

В десятой главе шуйско-ивановские ученые на примере творчества А. С. Хомякова и отца Сергия Булгакова ставят вопросы православной экклезиологии. По Океанским, этих мыслителей во взглядах на Церковь сближает «античный космологизм» (с. 180), когда «церковная космология» оказывается неразрывно связанной «с рецепцией философского эллинизма», с мыслью «Гераклита о храмовости космоса: “...весь космос — Божий храм, разнообразно украшенный животными, растениями и звездами”» (с. 183). И этот космос православный человек может/должен осмыслить («уметь читать») и преобразовать. Поэтому при всей неожиданности логичным выглядит вывод Океанских: «...космические притязания обмирщенного человечества,

направленные на “присвоение мира”, *вышли* из церковной ограды...» (с. 183).

В рассматриваемой главе существенное внимание уделено также полемике Хомякова и Булгакова с экклезиологией католицизма и протестантизма. Позиция первого, изученная по работе «Церковь одна» (1844—1845) и трех брошюр, объединенных названием «Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях» (1853, 1855, 1858), достаточно ясно выражена в следующем положении: «западное христианство на своем историческом пути... выродилось в “систему, отрицавшую живое начало неизменной веры, открытой взаимной любви. Романизмом совершено это преступление, Протестантством оно унаследовано”» (с. 184). Экклезиологические воззрения Буглакова Океанские разрабатывают по публикациям его трудов разных лет, среди которых выделяют речь отца Сергия от 7 июня 1926 г. в парижском Свято-Сергиевском православном богословском институте, в стенах которого он до своей кончины в 1944 г. служил инспектором. По словам авторов рассматриваемой книги, это программное выступление героя их исследования до сих пор «в содержательном отношении в такой же степени велико, в какой мере и не осмыслено подавляющим большинством околоцерковной интеллигенции» (с. 189).

Вячеслав и Жанна Океанские в десятой главе обосновывают и развивают свою позицию, опираясь (как и ранее) на цитаты из трудов не только Хомякова и Булгакова, но и других авторов разных эпох и стран; святых IV—VIII вв.: Василия Великого, Григорий Богослова, Григория Нисского и Иоанна Дамаскина; российских и западноевропейских мыслителей и литераторов XIX — 80-х гг. XX столетия: Ю. Ф. Самарина, Н. Я. Данилевского, К. С. Аксакова, А. И. Герцена, И. А. Ильина, И. Л. Солоневича, Н. А. Бердяева, священника Василия Зеньковского, А. Шопенгауэра, Р. Генона и К.-Г. Юнга; современников: отца Александра Меня, греческого профессора Х. Яннараса, филолога А. М. Камчатнова и др. По традиции, обозначившейся в книге, не забывают Океанские и о критиках своих героев, защищая их: «...нам представляется преувеличенной и заносчивой критика хомяковского богословия со стороны столь ярких его наследников, как К. Н. Леонтьев и отец Павел Флоренский —

если леонтьевское православие называть “филаретовским”, то хомяковское в последовательной критике западной апостасии примыкает к брянчаниновской мысли и является более *традиционалистским*, чем притязания П. Я. Чаадаева и Ж. де Местра...» (с. 187).

Что же касается личности отца Сергия Булгакова, то в десятой главе Океанские концентрируются на рассуждениях героя своей книги о преподобном Сергии Радонежском, умело вплетая их в многоликую проблему «Русский мир и Европа». Авторы монографии полностью солидарны с Булгаковым, который видел в преподобном «сокровище», Божий дар, ниспосланный Руси в период культурного упадка и Золотоордынского ига (с. 190). Океанские, оттеняя эту *Богодарованность*, вслед за Булгаковым отмечают чудеса в житии святого, в череде которых особое внимание обращают на обретение Сергием Радонежским, чье детство мало располагало к системному обучению, знаний, позволяющих причислить его «к числу наиболее выдающихся русских умов» (с. 191). В наиболее ясной форме это проявилось в обращении «смирennemудрого» Сергия к самому возвышенному, важному и таинственному догмату о Святой Троице. Зримо это проявилось в строительстве преподобным храмов во имя Святой Троицы, что для его времени было необычным и даже дерзновенным. Именно это интеллектуальное озарение преподобного Сергия, доказывают авторы в хомяковско-булгаковском духе, сохранило Россию как центр истинной (Православной) экклезиологии. Причем это произошло в то время, когда Запад при внешнем блеске вползал в духовно-религиозный кризис. «Для Булгакова, как прямого продолжателя экклезиологической историософии славянофилов, — подчеркивают Океанские, — остается важнейшим указание на принципиальное и, по сути, антагонистическое различие духовных путей России и Европы: “В то время как на Западе уже выковывались оковы для Церкви в виде учения о папском главенстве, экклезиопопизм, неведомое миру видение преподобному Сергию раскрыло Православию основы догмата о Церкви, истинное о ней учение”» (с. 195). Такое понимание «наследства преподобного Сергия» позволяет Океанским сделать еще один смелый вывод: «...Россия призвана транслировать в истории некие архаические, изначальные и даже вечные, непреходящие смыслы. Таким образом, русская идея — это идея глубинного

хранения и творческой передачи памяти о райском бытии и человеческом совершенстве...» (с. 197).

Одиннадцатая глава рассматриваемой монографии названа «“Святой Грааль” отца Сергия Булгакова и бездны поэтического маринизма». Здесь В. и Ж. Океанские изучают широкий спектр вопросов: от особых форм *поэтической софиологии* и сюжетно-композиционных особенностей поэтического текста, до взглядов Булгакова на онтологическую теорию слова, софологию «неба», «океана» с выявлением в них тео-ангело-морфности. При этом рассмотрение этих и других вопросов на многих страницах главы проводится в контексте внимательного прочтения Океанскими элегии «Море» поэта-романтика конца XVIII — первой половины XIX в. В. А. Жуковского и стихотворных творений поэта конца XIX — первой половины XX в. К. Д. Бальмонта. У шуйско-ивановских исследователей при осмыслении проблемы произведения этих авторов выступают то задним театральным занавесом, то своеобразной лупой, позволяющей разглядеть мельчайшие детали.

При прочтении Жуковского Океанские, придерживаясь, как и некоторые другие авторы, тезиса «*море — это человеческая душа*, преданная долу, но которую “из земная неволи” “тянет” к себе небо» (с. 214), справедливо замечают, что «при обращении к церковной библейской экзегезе» этой «психоделически односторонней моделью» ограничиваться уже нельзя (с. 215). Для понимания вопроса необходимо внимательно изучать религиозный опыт поэта (с. 215), расширить проблему до триады *земля — бездна — вода*, чтобы увидеть картину: «поэт... стоя над бездной, всматривается в *тайну мироздания*» (с. 216).

Одиннадцатая глава привлекла внимание рецензентов двумя сопряженными положениями. Первое принадлежит Океанским, и сделано оно на основании элегии Жуковского: «...как четко явствует из поэтической метафизики стихотворения “Море”, — *небо* (Бог) не отступает окончательно от мира (моря), равно как и *мир* (море) не может найти себя в отчуждении от *неба* (Бога)...» (с. 216). Второе положение взято Океанскими из Булгакова в контексте изучения им вопросов Евхаристии и распространенной на Западе истории о Святом Граале: «...Христос, вознесшийся на небо, мир оставивший и из него удалившийся, пребывает в нем в Своей крови и воде... <...> Мир стал Христов,

ибо он есть уже св. чаша, св. Грааль. Он стал неразрушим и нетленен, ибо в крови и воде Христовых получил силу нетления, которая и проявится в его преображении» (с. 228). При чтении данных страниц начинает казаться, что Океанские в угоду герою своей книги нарушают общую логику повествования об усилении в мире апокалипсических тенденций. Но это не так. В одиннадцатой же главе Океанские подвергают взгляды отца Сергия Булгакова суровой (как, пожалуй, нигде) критике: «Перед нами здесь — интеллектуальные энергии западноевропейского мира, стратегический базис гуманизма, что, однако, существенно — в отечественной неоправославной редакции» (с. 229). Титанизация же человека как неотъемлемая составляющая гуманистической мысли (к чему, по сути, склоняется Булгаков) «граничит с его демонизацией», усугубляя лжеоптимистическую веру «в неизбежность обновленного бытия и недейственность падших духов» (с. 229). Правда, Океанские все-таки не «растаптывают» героя книги. Более того, находят слова оправдания и возвращаются на выверенную сюжетную линию: «...на булгаковских путях в качестве его последних опытов лежали не блуждающие огни всемирного прогресса, а длительное прохождение над страшной бездной мировых вод, изнуряющие болезни, софиология смерти и догматическая экзегетика Апокалипсиса» (с. 232).

Отмеченные выше мироощущения наиболее глубоко рассматриваются Океанскими в заключительной — двенадцатой — главе монографии. В ее основании — сравнение размышлений отца Сергия Булгакова и Андрея Тарковского. В последнем авторы книги видят не только великого кинорежиссера, но и продолжателя линии «апокалиптологической рефлексии», идущей «от русской религиозной философии» (с. 243, 252). Конкретно сравниваются два произведения: трактат «Апокалипсис Иоанна: опыт догматического истолкования» отца Сергия Булгакова, выросший из курса лекций в Свято-Сергиевском богословском институте, и «Слово об Апокалипсисе», произнесенное А. Тарковским в одной из английских церквей во время проведения Сент-Джеймского фестиваля в 1984 г.

Океанских интересуют здесь в первую очередь подходы и результаты, достигнутые отцом Сергием и А. Тарковским в осмыслении Апокалипсиса как некоего объекта научного познания.

В процессе исследования шуйско-ивановские ученые выяснили, что, хотя рассматриваемые тексты отделяют друг от друга сорок лет, они по рождению и содержанию во многом близки. Оба творения появились на закате жизни авторов и вне России. Эмигрант Булгаков жил в Париже, Тарковский — в Лондоне. Священник-богослов и кинорежиссер обоюдно отмечали сложности изучения Апокалипсиса с позиций герменевтики (с. 243, 254—255). Для обоих мыслителей оказался неприемлем «расхожий подход к христианскому Откровению» исключительно как к предвестию «завершающего человеческую историю глобального наказания» (с. 259). Отец Сергей и Тарковский совпали в «особом неопицеском постижении искусства как некоего верховного эха самого Бытия» (с. 262).

Из множества суждений Океанских о понимании отцом Сергием Апокалипсиса выделим три.

Первое. «На фоне роста эсхатологических настроений в интеллектуальной культуре конца Нового времени несколько остужающе звучат слова Булгакова, что “мы находимся еще не в конце, но в *середине* истории”, что предстоит еще “положительное строительство Царствия Христова на земле, которое приуготовляет воцарение Христово во *Втором Его пришествии*”, что “это воцарение является делом не только Божественным, но и человеческим”...» (с. 247). Согласно Океанским, Булгаков как неоправославный модернист понимал под этим «делом человеческим» особую эпоху «в истории Церкви», «...которая на языке Откровения и называется тысячелетним царством Христовым» (с. 247, 248).

Второе суждение — выявление Океанскими доминанты в размышлениях отца Сергия: «...для Булгакова Апокалипсис является радикальной и последней христологической редактурой общечеловеческой эсхатологии, имеющей своим триумфом отнюдь не торжество всеобщей бречности, но, напротив, глубоко таинственные софиологические задачи, связанные с “всеобщим обожением всей твари”, а потому “весь этот порядок идей может и должен быть раскрыт и выражен софиологически, как и экклезиологически, что в данном случае одно и то же”» (с. 249).

В третьем суждении о булгаковской апокалиптологии Океанские подчеркивают, что у отца Сергия «...не только Апокалип-

сис выступает ключом к постижению истории людей, но и сама эта история — единственный в своем роде комментарий к Апокалипсису!» (с. 251).

В Заключении рассматриваемой монографии Океанские не просто подводят итог работы, но как бы адресуют читателя к ее началу, к названию, предлагая вновь обратиться к ее содержанию: «В апофатическом “пресветлом Мраке тайноводственного безмолвия”, ускользании Супрасмысла неотвратимого приближения вечности вся наша временная жизнь оказывается движением к ней — архаическим событием переправы, прохождением вод» (с. 267).

В целом монография Вячеслава Петровича и Жанны Леонидовны Океанских производит весьма сильное впечатление. Перед нами, без сомнения, — *новое слово* не только в герменевтике и изучении наследия отца Сергея Булгакова, но и в исследовании интеллектуальной мысли России и Европы, в интеллигентоведении. Соавторы все время ведут свой анализ, что называется, по делу. Они выбирают и исследуют самые интересные и трудные проблемы изучаемой эпохи. Что ценно — в центре их внимания сама личность отца Сергея, а не только те или иные его поступки. Так что соавторы выстраивают достаточно цельную картину жизни и творчества главного героя своего исследовательского труда, хотя главы рецензируемой работы, как отмечалось ранее, представляют собой своего рода развернутые эссе о различных направлениях творчества Булгакова и ключевых событиях в его жизни. В. и Ж. Океанские пишут ярким, образным языком. Можно сказать, что их стиль очень своеобразен и узнаваем. Хотя и наработками других исследователей соавторы не пренебрегают и широко их используют. При этом оставаясь верными своей авторской концепции, суть которой можно выразить довольно просто: это апология отца Сергея Булгакова.

Вот почему мы видим в монографии весьма специфическое отношение авторов к критике тех или иных взглядов и поступков своего главного героя: исследователи, как правило, выбирают в отзывах о Булгакове все самое благоприятное, а из критических замечаний — наименее болезненное для самого отца Сергея. Конечно, такой подход выглядит очень достойно с точки зрения сохранения доброй памяти о такой выдающейся личности, каковым

и был протоиерей Сергей Булгаков. Он и в самом деле сделал очень много — и в отечественной экономической науке, и в философии, и в устройении жизни русской эмиграции. Отец Сергей целому ряду эмигрантов помог найти себя на чужбине, для многих он стал духовным отцом и наставником, благодаря усилиям отца Сергея немало представителей влиятельных кругов на Западе стали лучше относиться к России и к русской эмиграции. Наконец, созданный Булгаковым Свято-Сергиевский православный богословский институт в Париже стал очень авторитетным духовным, культурным и образовательным центром, существующим и поныне.

Из замечаний, которые скорее носят характер размышлений и пожеланий, отметим следующие.

Многообразие сюжетных линий в монографии априори ведет к тому, что в одинаковой мере раскрыть все темы оказывается невозможно — «нельзя объять необъятное». Так, в рассматриваемой работе остаются не раскрытыми понятия, связанные с интеллигенцией, которыми оперируют Океанские или герои их книги: «священник-интеллигент» (с. 6), «интеллигентская чернь» (с. 141—142), «околоцерковная интеллигенция» (с. 189) и некоторые др.

Остается также сожалеть, что В. и Ж. Океанские, выяснив, что отец Сергей Булгаков достаточно рано прочувствовал колоссальную роль Запада, его мистическую «приоритетность в деле уничтожения России» (с. 151), не рассмотрели данную проблему более внимательно. Будем надеяться, что это произойдет в следующих их трудах.

Авторский подход супругов-исследователей Океанских весьма комплиментарный к наследию Булгакова нередко мешает им увидеть и проблемные или прямо негативные аспекты наследия своего героя. Рассмотрим эту коллизию на примере изложения авторами взаимоотношений протоиерея Сергея Булгакова с протоиереем Георгием Флоровским. Исследователи отмечают различия в их взглядах как на историю, так и — в еще большей степени — в понимании православного богословия. Они цитируют в основном благожелательные отзывы Флоровского о богословии Булгакова из наиболее известного труда отца Георгия «Пути русского богословия». Но они, к сожалению, игнорируют

куда более сокрушительную оценку богословских и экуменических исканий Булгакова в поздней статье Флоровского о деятелях экуменического движения. В своей посмертно опубликованной статье протоиерей Георгий Флоровский так высказывался о духовных исканиях протоиерея Сергия Булгакова в экуменическом диалоге с неправославными Запада: «Сам отец Булгаков цитировал концепцию Соловьева [Владимира Сергеевича. — В. Ч., С. У.]. Только у него намного больше стремления принимать желаемое за действительное, чем в смелых утопиях Соловьева, и гораздо больше наивности и нетерпеливости. Экклесиологическая концепция Булгакова не вполне отчетлива — ее портит своего рода исторический докетизм» [Флоровский, 2017: 340].

В. П. и Ж. Л. Океанские при изучении наследия отца Сергия не могли обойти богословские вопросы. Причем подчас им пришлось вторгаться и в область догматики. Например, затронуть проблему апостольского преемства (с. 203—205). Не вдаваясь в проблематику сравнительного (или обличительного) богословия, что выходит за рамки рецензии, все-таки сделаем одно замечание. Для православного мышления богословские догматические споры завершились на первых семи Вселенских соборах. Все, что после них, — или уточнение непреложных истин, или выявление отступлений, которые Православие принять не может и не сможет, если оно стремится остаться Православием. С этой точки зрения, местами можно было усилить критику воззрений Сергия Булгакова.

Наконец, как нам представляется, жизненный путь отца Сергия Булгакова был все-таки более сложным и трудным, нежели он представлен в рецензируемой монографии. На наш взгляд, биография Булгакова — это настоящая драма интеллигента, который и после возвращения в Церковь и принятия священного сана не смог справиться со всеми взятыми на себя обязательствами.

В целом же труд Вячеслава и Жанны Океанских — *фундаментальное исследование*, существенно расширяющее горизонты нашего познания, и, несомненно, оно найдет своего заинтересованного и благодарного читателя.

Список источников

- Океанская Ж. Л. Ословесненный космос отца Сергия Булгакова: «Философия имени» в контексте поэтической метафизики конца Нового времени. Иваново; Шуя: Центр кризисологических исследований при Шуйск. гос. пед. ун-те, 2009. 392 с.
- Океанский В. П. Астропозитика и поэтическая космология в России: образы звезд и мироздания в русской лирике XVIII—XX вв. // Научное и богословское осмысление предельных вопросов: космология, творение, эсхатология / под ред. А. Гриба. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2008. С. 184—199.
- Океанский В. П., Океанская Ж. Л. От Хомякова — до Булгакова... (книга очерков кризисологической метафизики). Шуя: Шуйск. гос. пед. ун-т, 2007. 223 с.
- Океанский В. П., Океанская Ж. Л. Антикризисный потенциал православной традиции: к проблеме переосмысления метафизических оснований отечественной интеллигенции в истории // Интеллигенция и мир. 2010. № 3. С. 135—144.
- Флоровский Г. В. Представители экуменической мысли XX столетия // Флоровский Г. В. Свидетельство Истины: сб. ст. СПб.: Духовное наследие, 2017. С. 332—340.

References

- Florovsky, G. V. (2017), 'Representatives of ecumenical thought of the twentieth century', in Florovsky, G. V., *Svidetel'stvo Istiny: sbornik statei* [Evidence of Truth: collection of articles], Dukhovnoe nasledie, St. Petersburg, Russia: 332—340.
- Okeanskaya, Zh. L. (2009), *Oslovesnennyi kosmos ottsa Sergiia Bulgakova: "Filosofiia imeni" v kontekste poeticheskoi metafiziki kontsa Novogo vremeni* [The Wordless Cosmos of Father Sergius Bulgakov: "Philosophy of the Name" in the context of poetic metaphysics of the end of Modern Times], Tsentr krizisologicheskikh issledovaniy pri Shuiskom gosudarstvennom pedagogicheskom universitete, Ivanovo; Shuya, Russia.
- Okeansky, V. P. (2008), 'Astropoetics and poetic cosmology in Russia: images of stars and the universe in the Russian lyrics of the XVIII—XX centuries', in Grib, A. (ed.), *Nauchnoe i bogoslovskoe osmyslenie predel'nykh voprosov: kosmologiya, tvorenie, eskhatologiya* [Scientific and theological understanding of the ultimate questions: cosmology, creation, eschatology], Bibleisko-bogoslovskii institut sviatogo apostola Andreia, Moscow, Russia: 184—199.

- Okeansky, V. P. and Okeanskaya, Zh. L. (2007), *Ot Khomiakova — do Bulgakova... (kniga ocherkov krizisologicheskoi metafiziki)* [From Khomyakov to Bulgakov... (book of essays on crisis metaphysics)], Shuiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, Shuya, Russia.
- Okeansky, V. P. and Okeanskaya, Zh. L. (2010), 'The Anti-Crisis Potential of the Orthodox Tradition: on the Problem of Rethinking the Metaphysical Foundations of the Russian Intelligentsia in History', *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 3: 135—144.

Статья поступила в редакцию 01.12.2022; одобрена после рецензирования 20.12.2022; принята к публикации 28.12.2022.

The article was submitted 01.12.2022; approved after reviewing 20.12.2022; accepted for publication 28.12.2022.

Информация об авторах / Information about the authors

В. Л. Черноперов — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия.

С. М. Усманов — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия.

V. L. Chernoperov — Doctor of Science (History), Associate Professor, Professor of the Department of General History and International Relations, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.

S. M. Usmanov — Doctor of Science (History), Associate Professor, Professor of the Department of General History and International Relations, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.